

КАРТИНКА 15.

**Мои маленькие открытия
в Таллине.**

**Маршрут: аэропорт Леннарта
Мери — Певческое поле — кон-
церт в Чикаго — легенда о Ста-
ром Томасе — аптека — мар-
ципаны — дворик датского
короля**

Миниатюрный самолетик все той же компании «АэрБалтик», что доставила меня в Ригу, унес меня дальше на своих крыльях в другой город северной Европы, в Таллин, где приземлился в необычайно уютном аэропорту имени первого эстонского президента Леннарта Мери. За свою жизнь — почти профессионального путешественника — я видела огромные аэровокзалы с внушительным количеством терминалов и поездов для внутренних передвижений, такие как О'Хара в Чикаго или Хитроу в Лондоне, я уже молчу про чудо техники и современной инженерии — токийский аэропорт Нарита. Но мои

маршруты пролегли частенько и через провинциальные воздушные гавани. И во всех этих аэропортах: больших или маленьких, многолюдных или пустынных, замусоренных или стерильных, старомодных или современных, — я стремилась побыстрее получить багаж и направиться дальше по своим делам. А вот в аэропорту Таллина мне захотелось опуститься в удобное кресло, взять с книжной полки книгу, включить торшер с мягким светом и выпить чашечку душистого какао с мягкой ватрушкой или маковым рулетом. Мне показалось, что после долгой, утомительной дороги я попала в родной дом, где меня ждут и где мне искренне рады. Оказывается, аэропорт может быть не только шумным, быстрым, холодным, самым невыгодным местом для обмена валюты, с отвратительной едой, но и удобным, домашним, с очень вкусной кухней,

хорошим курсом обмена и низкими ценами на сувениры. Это первое открытие, которое я сделала в Таллине!

Вокруг меня слышался мелодичный и несколько тягучий эстонский язык. Я хорошо это помнила по прошлой своей поездке в этот город на Всеэстонский певческий праздник, который проходит каждые пять лет на Певческом поле Таллина, оборудованном уникальной раковиной, благодаря которой хоровое пение прекрасно слышно на огромном поле, вмещающем до 300 тысяч человек. Наш сводный студенческий хор из Белоруссии принимал участие в одном из таких праздников в качестве гостя. Я была поражена той силой и красотой, которая волнами распространялась от пятидесятитысячного хора, одетого в национальные эстонские костюмы и певшего песни на родном эстонском языке. И вдруг, в этот свой приезд, я открыла, что эстон-

цы поют всегда — и когда протяжно выговаривают свои бесконечные двойные согласные и гласные буквы, и когда думают, и когда что-либо делают, спешат по улице или управляют машиной. Даже свою независимость и выход из СССР в сентябре 1988 года они провозгласили на празднике песни и назвали это поющей революцией. Поэтому прежде всего, чтобы понять характер эстонцев, надо представить себе, что вы имеете дело с постоянно поющими людьми. Это было вторым открытием, которое я сделала в Таллине!

Седовласый таксист вез меня в гостиницу плавно и медленно, как будто пел лирическую песню. По дороге мы разговорились о любви эстонцев к пению, музыкальным праздникам и шоу.

— Одним из последних грандиозных концертов на Певческом поле было выступление американской певицы Леди Гаги в 2012 году, — начал беседу на английском языке водитель, вероятно, приняв меня за американку. — Была установлена такая мощная звуковая и световая аппаратура, что на концерте оглохли не только пятьдесят тысяч зрителей, но еще и пол-Таллина в придачу, — заулыбался он своей шутке.

Мне вспомнился другой концерт певицы вместе с седовласым Тони Беннеттом в театре под открытым небом «Равиния» вблизи Чикаго. Да-да, я не ошиблась, именно с тем Тони Беннеттом, которому в августе 2016 года исполнилось 90 лет. Знаменитый исполнением эстрадных песен с элементами свинга и джаза, певец не только пережил Фрэнка Синатру и сохранил для времени репертуар времен американской мафии, но и «вос-

крес» в новом веке, став давать концерты с культовой певицей нулевых Леди Гагой. Оба они родились в Нью-Йорке, оба итальянцы, только разница в возрасте между ними составляет ровно 60 лет. Сексуальная, эпатажная Леди Гага в высоких белых панталонах, с обнаженной грудью, облаченная в красный прозрачный балахон, и невозможно элегантный Тони Беннетт в смокинге и бабочке вышли на сцену и исполнили под аккомпанемент оркестра вечнозеленые «Чикаго» и «Сан-Франциско». Они пели о любви и, казалось, были влюблены друг в друга. Удивительное по своему тембру и силе меццо-сопрано Леди Гаги наполнялось теплотой и нежностью, а голос Тони Беннетта звучал молодо и проникновенно. Перед несколькими тысячами зрителей как будто происходило таинство передачи накопленной любви от тех, кто уже почти ушел, к тем, кто пришел им на смену.

Мои мысли прервал дождь, забарабанивший по стеклам и крыше такси, такой обычный таллинский дождь, что напомнило мне, как во время чикагского концерта тоже хлынул дождь, и те зрители, что сидели не под навесом концертной площадки, а за ее пределами просто на лужайке, открыли тысячи зонтов, выстроив разноцветную, лоскутную крышу. Такие концерты проходят при любой погоде! В Таллине дождь начинает капать даже при мысли о нем, поэтому без куртки и зонта здесь в любое время года делать нечего. Это было моим третьим открытием в Таллине!

Такси остановилось, я открыла дверцу машины и сказала водителю по-русски:

— Спасибо огромное за интересный рассказ и чудесную поездку по городу!

— Так вы говорите по-русски, что же не сказали мне, я бы разговоривал с вами по-русски. Пожалуйста, вот мой номер телефона, если понадобится такси, всегда буду рад! — с очень легким акцентом ответил водитель.

— Ничего-ничего, я хорошо поняла ваш английский, не только эстонцы могут говорить на трех-четырёх языках, — улыбнулась я.

Хотя на самом деле я давно заметила, что с финнами, немцами, японцами, иными словами, с теми, для кого английский язык не родной, изъясняться на нем гораздо легче, чем с англичанами.

— Эстонцы любят петь и музыкальны, поэтому нам легко учить иностранные языки. Почти каждый эстонец, живущий в Таллине, знает эстонский, английский и русский, а многие еще неплохо говорят по-фински и по-датски, — ответил водитель такси и приветливо помахал рукой на прощание.

«Вот тебе и чужь! Мало того, что на каждом углу бесплатный Интернет, так еще и говорят на нескольких языках! Это уже слишком для медлительных тугодумов эстонцев! За последнее полтора часа — четвертое открытие! Что-то я зачастила с ними, надо выпить чашечку кофе, бросить чемодан в гостинице и отправиться на поклон к Старому Томасу!» — думала я, заполняя анкету для заселения в отель «Виру».

Передо мной возвышался средневековый торговый ганзейский Таллин. Интересно, что перед завоевателями и грабителями город лежит, над теми, кто его боится, он нависает, давит, а перед теми, кто его любит, он царственно возвышается, рвется в небо — и защищает. Я вошла в Старый город, окруженный крепостной стеной,

через Вирусские ворота и направилась к Ратушной площади. Флюгер на кивере городской ратуши был направлен в сторону Таллиннского порта. Томас по-прежнему держал знамя и сжимал свой меч, защищая стену города.

— Что, засмотрелись на защитника нашего города, хотите себе такого же? — раздался рядом со мной приятный женский голос. Я обернулась и увидела приятную незнакомку. — Знаете, есть такая примета: если устроить над своим домом флюгер со Старым Томасом, то дом будет безопасным, как крепость, богатым, как торговый ганзейский город, полным вкусностей, как кондитерская «Майясмокк» марципанами, и все его обитатели будут живы и здоровы долго-долго! Ведь Томас стоит в карауле над

нашей ратушей уже почти пять веков, достаточно времени, чтобы поверить в эту легенду! Не правда ли?

Можно гулять по городу, его музеям, ресторанам и концертным залам, но если ты не общаешься с его жителями, то город так и останется для тебя архитектурным музеем под открытым небом.

— Как интересно! Где я могу купить такой флюгер для своего дома? — подхватила я разговор.

— В Старом месте, ради которого вы и приехали в наш город. Как увидите Томаса, так и знайте, что вы пришли туда, куда нужно! Не волнуйтесь, у вас все еще впереди, и у меня еще все впереди! — улыбаясь, ответила мне дама и поправила свой голубой берет.

— Мама, мама, слава богу, ты быстро нашлась, — бро-

силась к моей собеседнице симпатичная женщина лет пятидесяти с открытым и приятным лицом. — Извините ее, это моя мама, она иногда теряется и начинает разговаривать с незнакомыми людьми на странные темы. Возраст, знаете ли!

Незнакомка оперлась на руку дочери, кивнула мне головой и пошла к старинной аптеке магистрата, а я выпала из времени, провалилась на тридцать лет назад. Помню, иду по Чистопрудному бульвару в Москве и плачу: работы много, денег нет, дочь маленькая, спать хочу постоянно, сил так жить больше нет никаких, и так мне себя жалко стало, что села я на скамеечку и разрыдалась в голос. И тут незнакомка подсаживается ко мне, седая, в берете, и ласково так говорит:

— Что же ты так горько плачешь, милая?! Запомни, даже самая страшная беда проходит! Не волнуйся, у тебя все еще впереди, и у меня еще все впереди! — Улыбнулась светло-светло и пошла дальше, опираясь на палочку.

Всю свою жизнь, и в радости, и в печали, я вспоминаю эту встречу. «Раз все еще впереди, почему бы и не поиграть в игру “найди Старого Томаса в Старом месте”», — подумала я в еще более приподнятом настроении и направилась в ближайшее «древнее» место, дарующее здоровье и долголетие, — в аптеку магистрата, открывшуюся еще до того, как Колумб совершил свое знаменитое путешествие в Америку.

Оказалось, что гулять по городу с целью найти в качестве талисмана флюгер с фигуркой Старого Томаса — необычайно увлекательно, познавательно и весело! Это было мое пятое открытие в Таллине!

В доме одиннадцать на Ратушной площади шесть веков тому назад поселилась мудрая змея, повесила над входом знак, где она обвивает чашу, известив тем самым окружающих о своем жилище. И пошли к ней страждущие и хворые за здоровьем и долголетием, за охраной от разных бед. Аптека магистрата не закрывалась с 1422 года никогда, она работала при чумных эпидемиях и войнах, во время революций и оккупаций, не горела, ее не разрушали и почти не грабили.

Я нырнула в старинный мир аптеки и задохнулась от ароматов, источаемых деревянными балками потолка, скамьями, ларями, оплетенными бутылками, шкафами и прилавками с бесчисленными баночками, бутылочками, пузырьками разноцветного стекла, коробочками и пакетика-

ми. Здесь не только продавались готовые препараты, производимые фармацевтическими монстрами, поработившими уже почти все человечество, но и изготавливались лекарства по уникальным рецептам, что прописывались старенькими врачами и выполнялись такими же фармацевтами вручную. Представляете, они взвешивают ингредиенты на аптекарских весах и растирают их пестиком в фарфоровых ступках! Сам дух этой аптеки и благословение древней змеи делали эти снадобья поистине чудодейственными, особенно мази и капли, что могу засвидетельствовать своим собственным опытом, а не понаслышке.

В средние века аптекарь был одним из самых образованных людей: и врачом, и химиком, и мистиком, и травником, и философом. Здесь продавали не только лекарства, но и мыло, розовую воду, помаду, пудру, порошок, вино, сладости, письменные принадлежности. По легенде, именно в этой аптеке придумали бодрящий напиток кларет, готовящийся из рейнского вина, специй и сахара, а еще подмастерье по имени Март изобрел здесь лучшее средство от депрессии — марципан. Не могу не привести список средневековых лекарств: капли из мочи черной кошки от подагры; сушеные глаза рыб от немочи; измельченные копыта белого жеребца от хрупкости костей — и это еще более или менее понятные нам средства и ингредиенты, но встречались и более экзотические снадобья, назначение которых даже трудно себе вообразить, к примеру, «кисти мумии заморского человека».

Несмотря на то что аптекари торговали заговорами и очень сомнительными лекарствами,

были они людьми уважаемыми, зачастую нанимались магистратом, и покровительствовали им не только светские, но и церковные власти. Понимается, что у аптекаря «связка лапок летучих мышей, пойманных в полнолуние, тринадцатого числа, в пятницу» — это мощное лекарство от бессонницы, а у деревенской знахарки — колдовское зелье, и ему платили деньги и оказывали почет и уважение, а ее били камнями, а порой и сжигали на костре. Так что при любом, даже самом опасном ремесле главное — наладить имущественные взаимовыгодные отношения с властью! Никак не ожидала, что подобные мысли у меня возникнут в средневековой аптеке. Это было моим очередным открытием в Старом городе!

Вспомнилось, как в детстве мы бегали во двор соседнего дома, где располагалась аптека, и как замороженные смотрели через окна на фармацевтов, священнодействующих над своими бесчисленными сокровищами: мазями, порошками и каплями, переливающимися в различных емкостях всеми цветами радуги. И это казалось нам, детям, приобщением к сказке!

Старый Таллин с его мощными узкими улочками, игрушечными домами с треугольными фронтонами, выкрашенными в разные цвета окнами с горшками цветущих гераней, кисейными занавесками, перевязанными атласными лентами, тяжелыми резными дверьми, висячими замками, флюгерами и колокольчиками — волшебный город. И глядя на персонажей, гуляющих по его улицам одетыми в старинные одежды горожан, трубочистов, рыцарей или ремесленников, фотографируясь с ними или потирая пуговицы, меч или щит

на счастье, ощущаешь себя пассажиром машины времени или действующим лицом столь любимого с детства фильма о мушкетерах «Двадцать лет спустя». И если вдруг откроется окошечко и сморщенный старьевщик высыпет вам на головы мешок драных вещей, не спешите их выбрасывать: возможно, он спал где-нибудь в веке этак пятнадцатом или шестнадцатом, а ваши громкие разговоры разбудили его!

Улочка Сайаканг вывела меня с Ратушной площади на улицу Пикк. Эта в буквальном смысле длинная улица соединяла два важнейших места в городе: порт и рыночную, или Ратушную, площадь. На ней возвышалась главная лютеранская церковь магистрата Пюхавайму, или Святого духа, и, как в любом другом ганзейском городе, здесь были обустроены здания торговых гильдий, дом Черноголовых, дома богатейших купцов, как в Любеке. Ведь именно Любек считался матерью ганзейского союза, городское право которого и было принято Ревелем в тринадцатом веке.

Рядом с церковью Святого духа приютилась знаменитая и старейшая кондитерская «Майясмокк», или «Лакомка». Интересно, что и старая аптека магистрата, и кондитерская, и ратуша являются не только действующими заведениями, но и музеями. В этой кондитерской делают марципаны и раскрашивают их вручную. Я открыла застекленную

дверь с монограммой и вошла. За столом сидела русоволосая женщина в чепце и серой шерстяной юбке и не торопясь раскрашивала фигурки зайцев, золушек и мишек. В шкафах-витринах красовались праздничные карусели, замки, танцующие хороводы, города, лошади скачущие и везущие сани и многое другое, что даже трудно себе вообразить. И все эти произведения искусства были сделаны из измельченного миндаля, смешанного с сахарным сиропом. Уже много веков секрет изготовления марципанов был украден у аптекарей и перешел в руки кондитеров. Наслаждаясь чашечкой кофе с фруктами-марципанами, я размышляла над тем, что если человек хвалится: мол, он откусил хвост у белки или голову у тигра — то, возможно, он не всегда врет, ведь белка и тигр могли быть марципанами. И это стало моим очередным открытием!

Я не пошла к дому «Трех сестер», решив, что привет от рижских «Трех братьев» я передам им завтра, а заодно поздоровуюсь с башней «Толстая Маргарита», названной так любящими выпить пивка и пошутить ганзейскими купцами в честь необхватной датской королевы Маргариты. Я отправилась вверх по улице Пикк, собираясь прогуляться по почти одноименной Пикк-Ялг или, «длинной ноге», по форме похожей на уникальную водосточную трубу в виде такого щегольского сапога

со шпорой-звездой, висящей на одном из домов этой улицы. Пикк-Ялг, вытянувшаяся вдоль крепостной стены, упирается в массивные деревянные двери, которые закрывались стражниками на ночь и разделяли Верхний город, или Тоомреа, и Нижний город. В Верхнем городе жила знать, и стражники обыскивали его на ночь, изгоняя простолюдинов, потому что существовал закон: если преступник или беглый находится в Верхнем городе больше определенного срока, он получает прощение и свободу. Нижний же город имел статус вольного города. Формально эти города были разделены до конца девятнадцатого века.

Поднявшись в Вышгород, я направилась к дворику датского короля, где этот самый король, по преданию, увидел в небе будущий флаг Дании, Даннеброг, — красное полотнище, перечеркнутое белым крестом. Задрал голову к небу и размечтавшись узреть флаг, споткнулась о ступеньку крыльца и шлепнулась аккуратно под вывеской антикварной лавки с изображением Старого Томаса. Ба, неужели цепочка моих маленьких открытий привела меня к цели? Я достала из кармана визитную карточку с именем владельца антикварной лавки, данную мне Ирисой в музее, сверила адрес и совсем не удивилась, когда обнаружила, что я лежу, в прямом смысле этого слова, на пороге вождельной лавки.

Продолжение следует.